

сти их функций с другой оплачиваемой деятельностью. В соответствии с международными стандартами в области правосудия статус судьи – единое целое, состоящее не только из правовых гарантий несменяемости и неприкосновенности, но и гарантий материального и социального обеспечения судей, которые в своем единстве создают условия для реализации конституционных принципов правосудия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Европейская хартия о статусе судей от 10 июля 1998 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/2559965/>. – Дата доступа: 19.06.2019.
2. Конституция Бельгии от 17 февраля 1994 г. // Интернет-библиотека конституций Романа Пашкова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://worldconstitutions.ru/>. – Дата доступа: 25.06.2019.
3. Конституция Республики Болгария от 12 июля 1991 г. // Интернет-библиотека конституций Романа Пашкова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://worldconstitutions.ru/>. – Дата доступа: 20.06.2019.
4. Конституция Греции от 11 июня 1975 г. // Интернет-библиотека конституций Романа Пашкова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://worldconstitutions.ru/>. – Дата доступа: 20.06.2019.
5. Конституция Республики Польша от 2 апр. 1997 г. // Конституции государств Европы: в 3 т. Т. 2 / под ред. Л.А. Окунькова. – М.: Волтерс Клувер, 2001. – С.686-732.
6. Конституция Португальской Республики от 2 апр. 1976 г. // Конституции государств Европейского Союза / под общ. ред. и со вст. ст. Л.А. Окунькова. – М.: Изд. группа ИНФРА-М-НОРМА, 1999. – С.521-600.
7. Конституция Словацкой Республики от 1 сент. 1992 г. // Интернет-библиотека конституций Романа Пашкова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://worldconstitutions.ru/>. – Дата доступа: 18.06.2019.
8. Основной Закон Федеративной Республики Германия от 23 мая 1949 г. // Конституции государств Европейского Союза / под общ. ред. и со вст. ст. Л.А. Окунькова. – М.: Изд. группа ИНФРА-М-НОРМА, 1999. – С.181-234.

ПРАВОВАЯ ЭКСПАНСИЯ ИЛИ ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ: АСПЕКТ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Рожкова А.Ю. (г. Псков, Россия)

В условиях растущих темпов цифровизации правовых систем на международном и национальном уровне очевидны негативные проявления правовой экспансии, ее аналогов, как: политическая, регулятивная, принудительная рецепция, именно в субъективной интерпретации экспансии как императив унификации норм правовой системы в целях формирования единого правового пространства, угрожающей сохранности суверенитета, исторической самоидентификации. Возникает подмен толкования имплементации и рецепции, и наступает дисбаланс правового диалога систем правосознания.

Очевидным примером процесса правовой экспансии является правовая ассимиляция стран-колоний метрополиями (навязывание англосаксонской правовой культуры странам-колониям).

Ярким примером явилась в 90-х годах в России идеология «передового западного правового опыта» в силу преодоления «догоняющего характера экономического развития» [7, с.79]. По существу, подмена осуществлена посредством применения политтехнологий как чуждый инструмент воздействия на правовую систему, в том числе на сегодня процессов цифровизации правовой системы. Вступление России в мировые интеграции (ВТО, МВФ, ПАСЕ, и т.д.) при ратификации международных норм в национальной правовой системе.

Так, А. В. Скоробогатов определяет: «Правовая экспансия – это насильственное навязывание культурно чуждых правовых ценностей» [9, с.1587].

В свою очередь, А.Е. Абрамов выявляет латентные переходы от имплементации правовых основ к принудительной рецепции (модификации норм) [8, с.1336], и завершение правовой экспансии доминированием, обусловленным изменением социально-экономических условий (преимущества ресурсного потенциала, процессов транснационализации сегментов мирового рынка, попытки мирового господства) – что подрывает национально-правовой суверенитет и историческую самоидентификацию государства.

В.Н. Карташев выделяет *эффективность* правовой экспансии [8, с.1337], которая очевидна, по нашему мнению, выражена такими гео-экономическими показателями, как: концентрация мирового рынка, достижение ресурсного потенциала, уровень мировой демографии - где мировоззренческие ценности сведены к меркантилизму и абсолютизации правового позитивизма.

Т.А. Романова выделяет *регулятивную* экспансию [8, с.1338] как основной инструмент (кодификацию норм) принудительной рецепцией в качестве аналога правовой экспансии на примере создания международных интеграций и союзов (ЕС, НАФТА, АСЕАН, ЕАЭС) и предлагает ее упреждать в интересах правовой самоидентификации общества.

Следовательно, на современном этапе формирования единого правового пространства присутствует политико-экономическая экспансия как одно из распространенных и негативных проявлений правовой экспансии, основанной на политической идеологии (например, либерализм, демократия, марксизм). На сегодня трансформация правовой системы российского общества подвержена «вестернизации» под видом соблюдения международных норм, формирования единого правового пространства, в том числе по причине непрекращающихся переходных социально-экономических процессов и кризисов общества.

Поэтому, обоснованность применения правовой имплементации выражена как диалог правовых систем, мировоззрений на основе преемственности, развития основ естественного права в балансировании с позитивизмом неизбежном процессе формировании единого правового пространства.

По мнению ученого А.В. Скоробогатова, имеет место правовая имплементация со свойственностью признания *институтов* демократии, свободы, прав и интересов человека, граждан, тем самым юридически закрепляя нормы гражданского общества как основополагающий аспект развитой правовой системы. Инструментом правовой имплементации служит позитивное право и его социальный эффект (ст.7 Конституции РФ). К сожалению, по мнению автора, для России правовой формой в переходный период в части реформирования правовой системы, в том числе «декриминализации» уголовного права, служит далеко не имплементация, а скорее частичная правовая экспансия с применением позитивистским, порой лоббированным правовым инструментом.

Свойственным *принципом* имплементации (М. А. Пшеничнов, В. А. Летяев, Ю. Н. Фольгерова) [6, с.4,10] служит осознанно-добровольное заимствование, проникновение, дополнение и изменение отдельных основ правовой системы – что обуславливает диалог и совершенствования правовых систем.

Правовая имплементация осуществляется посредством *позитивистских подходов* формирования правового сознания как основной инструмент, порой, как исключение, имеющего внешние признаки единого правового пространства на примере имплементации основ мусульманской правовой системы западным правовым сознанием. Несмотря на внешнюю имплементацию правовых основ исламская правовая системы, где догматом и доктриной выступает религия, обеспечивает сохранность правовой самоидентификации общества.

Отметим *свойства* позитивного подхода имплементации правовой системы. Л.В. Сокольская выделяет признаки имплементации, а именно: - правящая элита государства; - политическая природа на примере византийского права в принятии христианства; - добровольность принятия и закрепления основ правовой культуры (Г.И. Муромцев, В.А. Томисин, Г.М. Азнагулова, О.В. Мартышин, С.А. Сафронова, В.В. Мантуров) [2, с.276]; - правовое осознание исторических изменений и необходимости модифицировать системы правовой культуры; исторические стадии (потребности, адаптация, усвоение, результат); - культурно-правовая преемственность (Н.Неновски, Г.В.Мальцев [3, с.274]) как один основных признаков совершенствования правовой культуры общества; - механизм взаимовлияния, эволюции, гармонизации норм правовой системы [10,с. 34].

В целом, имплементация правовой системы сопряжено с цивилизационным мировоззрением, эволюцией культурно-исторических условий, религиозными традициями общества, и современным преобладанием позитивистских концепций правосознания.

Однако положительным результатом имплементации естественных норм правовой системы является принятие Всеобщей декларации о культурном разнообразии межкультурного диалога в качестве наилучшей гарантии мира. В декларации говорится, что «защита культурного разнообразия является этическим императивом, неотделимым от уважения достоинства человеческой личности» [10, с.35].

Очевидно, что концепция имплементации правовой системы обусловлена *константами* цивилизационного (духовно-культурологического) подхода (И.А. Ильин, Н.Н. Алексеев, И.Л. Солоневич, В.В. Сорокин, А.М. Величко, О.И. Цыбулевская, В.Н. Синюков) [2, с.49]. Так, А.И. Овчинников определяет правовое мышление как «феномен сферы духовного мира человека». Д.В. Зыков отмечает: правовое мышление «может и должно быть объективным, формальным и догматичным, поддерживающим общественное сознание и поведение на сравнительно высоком культурном уровне общегития» [3, с. 279]. С указанными положениями трудно не согласиться в силу императива объективного позитивизма в части квалификации норм и правомерной правоприменительной практики.

В качестве примера о сохранности констант мировоззренческой религиозной идеологии формирования правового мышления отметим особенности мусульманской правовой культуры, распространения шариата на завоеванных Арабским халифатом территориях.

В составе мусульманской правовой культуры присутствуют свойственные черты [2, с.50] правовой системы (VII–X вв. в Арабском халифате), как архаичность, казуистичность, внешний позитивизм кодифицированных религиозных постулатов.

Внешний позитивизм норм мусульманской правовой системы выразил правовед М.Н. Марченко [4, с.87-88] следующими примерами.

1. Ст. 2 Конституции Исламской Республики Иран (1979 г. и обновленной в 1989 г.) гласит, что Исламская Республика — это система правления, основанная на вере в: 1) единого Бога, в то, что он устанавливает законы шариата и что человек должен покоряться его воле; 2) божественные откровения и их основополагающую роль в толковании законов; 3) страшный Суд и его конструктивную роль в человеческом совершенствовании на пути к Богу.

2. Ст. 57 устанавливает три ветви власти под контролем имама.

3. Уголовный кодекс (1840 г.) законы под названием «канун-нама» (танзимат) основан на хууд и тазире. К установленным – весьма жестким – мерам наказания приговаривают только за шесть преступлений (убийство, прелюбодеяние, ложное обвинение в прелюбодеянии, воровство, употребление спиртных напитков, вооруженное ограбление и бунт).

4. *Маџалла* (1869–1876 гг.) – свод мусульманско-правовых норм в области права собственности и обязательственного права на основе выводов ханифитской школы.

5. Закон о кисасе (1981) повторяет положения традиционного мусульманского уголовного права.

В целом, религиозные свойства правовой системы подверглись изменению посредством имплементации лишь внешне, кодификацией фикха, в остальном наблюдается правовая экспансия.

В свою очередь, результатом имплементации явилось материальное и процессуальное исламское право, которое применяется нешариатскими судами и без учета традиционных правил фикха. Примером имплементации выступает возникновение позитивного (статутного) исламского права, выраженное во взаимозаимствовании с общим правом. Действующие гражданские и торговые кодексы европейского типа предусматривают отдельные исламские правовые нормы, принципы и даже институты (например, относительно злоупотребления гражданским правом, преимущественного права на землю). В частности, в области гражданского и предпринимательского права правоведом М.Н. Марченко выявлена имплементация европейским правом [5, с. 10-11] норм религиозно-правовых семей в части развития ипотеки и беспроцентных кредитов, что вполне отвечает нормам шариата и европейскому порядку соглашения сторон диспозиции коммерческих отношений. По существу, правовые нормы институтов предпринимательства основаны на сочетании и дополнении шариатских принципов с законодательством европейского профиля.

В итоге, особенность правовой экспансии выражена заимствованием норм исламской правовой культуры из норм европейского позитивизма, где толкование и применение фикха зависят от принятого закона представителями власти (Положения ст. 1801 Маджаллы). При этом происходит сочетание внешней имплементации и правовой экспансии в силу доминирования правящей элиты общества и объективной реакции на исторические процессы изменения ценностей и традиций общества западной правовой культуры.

В целом, основным продуктом *сбалансированной* естественно-позитивистской правовой системы в качестве эффективного правового инструмента, на наш взгляд, является социальный результат благополучия и самоидентификации общества, развитое гражданское общество, выраженное его институтами, обеспечивающее объективное (духовно-культурологическое) правосознание. В условиях становления единого цифрового правового пространства лейтмотивом современной правовой системы служит императив имплементации как правового диалога культур, и правовой и историческая самоидентификация в сохранности ценностных мировоззрений и преемственности традиций.

Значимость полученных выводов и положений выражена в формировании в обществе, отдельного гражданина или субъекта правоотношений объективного правосознания, правильной квалификации и регулирования норм правовой системы в преодолении позитивизма и применении последнего как инструмента нормотворчества и правоприменительной практики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии. Принята 2 ноября 2001 года Генеральной конференцией Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН.: Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/declconv/declarations/cultural_diversity.shtml (дата доступа: 02.12.2018).
2. Гасанов Г. И. Основные правовые семьи народов мира // Системные технологии. 2014. №10. С. 48-52.
3. Зыков Д. В. Некоторые вопросы теории юридического мышления.// Вестник Волгогр. гос. ун-та. Сер. 5, Юриспруд. 2012. № 2 (17). С.274 - 280.
4. Курашвили, А.Ю. Правовая система государства и ее значение в вопросах имплементации // Юридическая наука. 2017. № 1. С. 82-89.
5. Марченко М. Н. Понятие и основные особенности источников права Европейского союза // м Вестник Московского университета. Серия 11. Право. № 2. 2009. С. 3-14.
6. Мелкевик Б. Юридическая эпистемология и уже – право.// Правоведение, 2015, № 4 (321). С.6-48.
7. Скоробогатов А. В. Правовые заимствования как средство совершенствования национальной правовой системы // Актуальные проблемы экономики и права. 2018. №1 (45). С. 77-88.
8. Сокольская Л. В. Правовая экспансия как историческая форма правовой аккультурации // Актуальные проблемы российского права. 2014. №7. С. 1336 – 1339.
9. Сокольская Л. В. Рецепция как историческая форма правовой аккультурации // Актуальные проблемы российского права. 2014. №8. С. 1581-1589.
10. Цвайгерт К., Кетц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. - М.: Международные отношения, 1995. С. 34-35.

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В СФЕРЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ

Зыкин Б.В. (г. Псков, Россия)

История наркомании в обществе имеет давнюю историю. Люди практически всегда прибегали к тем или иным средствам фармакологического воздействия. Антропологи считают, что вцелях изменения настроения, мобилизации западная ветвь человечества использовала в основном алкоголь, тогда как восточная - собственно наркотики, а именно: мак, конопля горных плато Ирана, мексиканские шампиньоны и др.